

Мордовцев Даниил Лукич

Поездка к пирамидам

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Поездка к пирамидам / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
200 с.

ISBN 978-5-519-97388-5

ISBN 978-5-519-97388-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Глава I. Отъ Петербурга до Одессы.	1.
„ II. Одесса и еврейскій погромъ.	13
„ III. На Черномъ морѣ	26
IV. Босфоръ и Константинополь.	39
„ V. Въ гостяхъ у троянцевъ.	55
VI. На родинѣ Гомера	66.
VII. Архипелагомъ. Мимо Патмоса. Разсказъ о гибели па- рохода „Корниловъ“	82.
„ VIII. Въ столицѣ Клеопатры	96.
„ IX. Дельта Нила до Каира	111.
„ X. Въ Каирѣ	125.
„ XI. Предварительное--заочное знакомство съ пирамидами.	141.
„ XII. На вершинѣ пирамиды Хеопса.	157.
„ XIII. «Пирамида, еще пирамида, и еще, и еще!».	165.
„ XIV. Возвращеніе въ Александрію и отплытіе въ Палес- тину.	177.

На разсвѣтъ послѣдняго дня показались пирамиды, какъ два синіе холма на горизонтѣ степей. Сильно потрясъ душу видъ этихъ дивныхъ могилъ древней славы Египта, наполняющихъ его и вселенную громкимъ своимъ именемъ и какъ neodолжимый магнитъ привлекающихъ столько любопытныхъ. И мною овладѣло живое нетерпѣніе приблизиться къ ихъ громадѣ, когда послѣ раздѣленія двухъ вѣтвей Нила, идущихъ въ Розетту и Даміетту, открылась мнѣ новая великолѣпная картина—Каиръ.

Муравьевъ (1830 г.).

Послѣ Вардана, на западномъ берегу Нила, видно рѣзкое сочетаніе песковъ Ливіи съ чернымъ тукомъ Нила; во многихъ мѣстахъ одерживаетъ побѣду пустыня, и ея видъ необозримъ. Вскорѣ оба берега дѣлаются пусты: кой-гдѣ стада верблюдовъ бродили по дикому берегу, но только что мы начали огибать островокъ, который лежитъ противъ Ашмуна—намъ открылись пирамиды!... Тутъ я потерялъ изъ виду все другое... Взглядъ на сіи чудесныя громады внушаетъ какую-то гордость человѣку—до какой степени онъ могущъ, что дѣла рукъ его, ненавидимыя стихіями, существуютъ съ младенческихъ вѣковъ земли. Если какой нибудь земной памятникъ можетъ говорить о нетлѣнности, то это пирамиды!

Норовъ (1835 г.).

I.

Отъ Петербурга до Одессы.

Подъ тяжелыми, гнетущими впечатлѣніями оставилъ я Петербургъ, чтобы немного передохнуть, успокоиться, забыться на чужбинѣ, далеко отъ родины, чтобы хоть на время не видѣть и не слышать того, что въ ней тогда совершалось горькаго и печальнаго. Читатель, конечно, самъ помнить эти впечатлѣнія и быть можетъ припомнить ихъ также и изъ моимъ писемъ, печатавшихся въ «Недѣлѣ» до и послѣ 1-го марта.

Я задумалъ ѣхать на далекій Востокъ, въ Африку, къ пирамидамъ, подъ знойное египетское солнце, на многоводный Нилъ, въ страну сфинксовъ и гигантскихъ пальмъ, въ отечество фараоновъ, Птолемеевъ, Клеопатры и крокодиловъ, гдѣ когда-то евреи томились за такъ-называемой «египетской работой»; а оттуда, изъ-подъ пирамидъ, я рѣшилъ пробраться туда, куда евреи ушли изъ плѣна египетскаго,—въ «обѣтованную землю», въ Палестину, въ священный Іерусалимъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, сорвать для себя поэтическую «вѣтку Палестины», чтобы побродить подъ жаркимъ, совсѣмъ не петербургскимъ солнцемъ—подъ солнцемъ Іудеи и Самаріи, помыкаться по «поморію тирскому и сидонскому», по берегамъ Іордана и Мертваго моря, побродить своими ногами по той землѣ, которую исходили и освятили босые ноги Спасителя и его учениковъ, топтавшія эту землю тоже не подъ отрадными впечатлѣніями своихъ «дней плача и скорби».

Летучими впечатлѣніями этихъ-то странствій своихъ я и намѣренъ подѣлиться съ читателемъ. Пусть только онъ не ждетъ отъ моихъ случайныхъ набросковъ ничего, кромѣ этихъ самыхъ бѣглыхъ, нестройныхъ, отрывочныхъ набросковъ и штриховъ—набросковъ тупою муловою, мѣломъ, углемъ, наносившихся на что-попало большею частью на палубѣ пароходовъ, на ютѣ, подъ шумъ машины и винта и подъ свистъ вѣтра въ снастяхъ, а отчасти набрасывавшихся на клочки бумаги въ вагонахъ, подъ стукъ паровозныхъ колесъ и подъ свистъ локомотива, ибо я все время былъ въ дорогѣ—на пароходѣ и въ вагонѣ, верхомъ на конѣ или на осликѣ, въ дилижансѣ и на лодкѣ — и нигдѣ не жилъ долго, а все ѣздилъ да смотрѣлъ, передумывалъ да переживалъ то, что видѣлъ, и тутъ же заносилъ въ свою карманную книжку, лишь бы не думать о томъ, что тамъ у насъ, на родинѣ, въ далекой, несчастной, но дорогой Россіи.

Если же читатель желаетъ узнать обстоятельныя свѣдѣнія о странахъ, которыя я посѣтилъ, желаетъ читать ихъ «описанія», то пусть читаетъ ихъ въ особыхъ книгахъ, которыя такъ и называются «описаніями».

Я выѣхалъ изъ Петербурга 5-го мая. Читатель помнить, что это было за-время: графъ Лорисъ-Меликовъ выходилъ въ отставку; оставлялъ свой постъ министръ финансовъ Абаза; ожидались большія перемѣны въ высшей администраціи.

Я сѣлъ въ вагонъ съ нѣкоторыми послѣдними номерами петербургскихъ газетъ въ карманѣ и до самаго Египта, до Александріи, не видалъ и не читалъ ничего новаго.

Не до газетъ мнѣ было. Да и что хорошаго я могъ изъ нихъ вычитать? Отъ этого-то хорошаго я и бѣжалъ... Развѣ о разгромѣ евреевъ, о подъемѣ «русскаго духа» въ Елисаветградѣ, Кіевѣ и Одессѣ? Но я самъ туда ѣхалъ — ѣхалъ навстрѣчу этой русской «политической волнѣ». Что же еще я могъ вычитать? Локомотивъ именно уносилъ меня отъ русскихъ газетъ, отъ русскихъ политическихъ новостей, ибо я ѣхалъ если не опережая послѣднюю почту, то слѣдуя во главѣ ея, такъ такъ то, что она

везла, я уже прочиталъ въ дорогѣ между Петербургомъ и Гатчиною. А лучшаго я ничего не ожидалъ.

Повторяю—я бѣжалъ отъ газетъ: не до нихъ мнѣ было... Я слишкомъ усталъ, и нервы мои нуждались въ успокоеньѣ, а мысль—въ забытѣ. Я думалъ найти это успокоенье и это забытѣ въ природѣ. Я къ природѣ бѣжалъ отъ газетъ—бѣжалъ къ зелени полей и лѣсовъ, къ голубому небу, къ жаркому солнцу юга отъ холоднаго петербургскаго солнца, къ бирюзовой волнѣ моря, туда, гдѣ это «море вѣчно плещетъ», но не на «пустынные скалы» нашего юга, а на сыпучіе пески Египта, на берега «поморія тирскаго и сидонскаго».

Быстро промелькнули мимо оконъ вагона первыя станціи петербурго-варшавской желѣзной дороги, съ которой я началъ мое далекое странствіе. Въ окна вагона я искалъ природы, зелени и пока не находилъ еще ничего такого, чего-бы я не видѣлъ въ Петербургѣ: голыя, какъ прутья растрепаннаго вѣника, деревья, на которыхъ еще даже почка не созрѣла и не лопнула; голая, сѣрая земля, сквозь которую едва-едва пробилась первая травка,—но нѣтъ, это не первая травка весны, а несчастные пасынки сѣверной природы, та именно обиженная солнцемъ травка, которая, выбившись изъ лемли уже осенью, была покрыта первымъ выпавшимъ снѣгомъ и, подъ его холоднымъ, мертвымъ покровомъ, продержалась до весны такою же мертвою и жалкою, какою застала ее мокрая осень и снѣжная зима; навозныя равнины, засѣяныя овощами, питающимися исключительно петербургскими экскрементами и имѣющими къ этой же осени опять превратиться въ навозъ, чтобы растить новыя овощи и питать ими петербургское населеніе; болотныя равнины, въ которыхъ тонетъ и жалкая трава, и жалкое придорожное сѣверное дерево—и все вода, вода и вода; мертвая зелень сѣвернаго, сосноваго и еловаго лѣса, который никогда не бываетъ ни молодымъ, ни свѣжимъ, а вѣчно зеленъ и зимою и лѣтомъ, и подъ лучами солнца, и подъ саваномъ снѣга, не зная ни весны, ни весенняго разцвѣта — эта сѣверная елка, эмблема кабака, надъ которымъ она всегда торчитъ, и девизъ смерти, ибо по ея колючимъ вѣтвямъ провожаютъ покойниковъ къ ихъ вѣчному успокоенію,—вотъ все, что я видѣлъ вплоть до Гат-

чины изъ окна моего вагона. Тѣмъ, что было внутри вагона, я не былъ занятъ: все это я видѣлъ въ Петербургѣ и отъ всего этого бѣжалъ. Какой-то умный, ибо необыкновенно молчаливый офицеръ, именно потому полюбившійся мнѣ, что постоянно молчалъ, не заговаривая съ вами, не залѣзая вамъ въ душу; какой-то молодой, но безногій субъектъ, котораго, какъ видимо богатаго человѣка, провожала изъ Петербурга цѣлая арава такихъ же богатыхъ знакомыхъ и о которомъ горько, и конечно искренно, плакалъ одинъ только ребенокъ, повидимому, да и безъ сомнѣнія — его сынишка, скоро впрочемъ утѣшенный находчивою нанюшкой; двѣ барыни, подчивавшія одна другую апельсинами, да здоровый, массивный юноша, въ мундирѣ правовѣда, видимо, вслѣдствіе своей юности, хотѣвшій поболтать и обратившійся было къ молчаливому офицеру съ словами, что онъ уѣзжаетъ изъ Петербурга при «горестныхъ обстоятельствахъ» (смерть принца П. Г. Ольденбургскаго), но оборванный имъ на первыхъ же словахъ, что принцъ былъ уже не молодъ, но что умираютъ и пятнадцатилѣтніе, — вотъ кого я на первый разъ замѣтилъ въ вагонѣ.

Самъ я угрюмо молчалъ и глядѣлъ въ окно, совершенно не желая, чтобы кто-нибудь заговорилъ со мной. Я ужасно не люблю разговаривать дорогой: это обязываетъ васъ поддерживать разговоръ, никогда не интересный, мѣшаетъ вамъ думать о чемъ вы хотите: мѣшаетъ иногда сосредоточиться на воспоминаніяхъ, наконецъ просто мѣшаетъ глядѣть въ окно.

Уже за Гатчиной, когда поѣздъ остановился на нѣсколько минутъ въ Суйдѣ, я въ первый разъ услыхалъ жаворонка — признакъ весны. Глухая птичка поднималась къ сѣрому, хмурому небу и беззаботно пѣла, а внизу подъ нею, на землѣ, на такомъ-же сѣромъ, какъ небо, откосѣ, лежалъ мужикъ, завернувшись въ сѣрый зипунъ. Ему повидимому было холодно подъ этимъ весеннимъ небомъ и надрывающе-поющимъ жаворонкомъ... Весна, май, пора любви и счастья... развѣ только для воронъ, которыя и на снѣгу кладутъ яйца и грѣютъ ихъ собственнымъ тѣломъ... А насыпи, выемки, косогоры, взлобки и овражки все еще бѣлѣютъ снѣжкомъ — сѣрымъ и грязнымъ, какъ небо и земля...

Поѣздъ все стучить и несется все дальше и дальше къ югу.

А по сторонамъ все то же: торчитъ сѣрый лѣсъ, буквально торчитъ—словно голыя, большія розги... Да, по неисповѣдимымъ судьбамъ провидѣнія — все это еще пока розги... Межъ ними, какъ бѣлыя, большія свѣчи надъ покойникомъ, бѣлѣютъ стволы березокъ, и опять вездѣ—зеленые мертвецы, елки, напоминающія кабаки и проводы покойника... Весна, а все думается о смерти... Все глупые нервы виною, да веселыя обстоятельства милой родины, изъ которой я бѣжалъ, куда глаза глядятъ...

У станцій—своя природа, казенная: подстриженные подъ гребенку, словно рекруты, акации, напоминающія огромную половую щетку или тынь.

Я даже овцамъ обрадовался, которыя бродили по полю недалеко отъ Луги. Давно я не видалъ овецъ, а если и видѣлъ, такъ не иначе какъ повѣшенными за ноги въ мясной лавкѣ или передъ Рождествомъ на Сѣнной вмѣстѣ съ телятами, которыхъ везутъ на убой, наваливъ полонъ возъ, а онѣ жалобно мычатъ или молча колотятся головами о перекладыны и облучки—точно Россія.

Къ Лугѣ же подѣвжая я замѣтилъ на насыпяхъ тюльпаны—первые настоящіе весенніе цвѣты. И вспомнились мнѣ евангельскіе «крины сельные».

За Лугой услышалъ сороку и обрадовался ей, какъ мы радовались когда-то нѣкому «вѣянiю». Меня даже сорока утѣшала—все-же вѣянiе весны. Можетъ быть, она иногда строкочетъ... около Петербурга, да я-то не слыхалъ ея.

Далѣе мы ѣдемъ тою полосой русской земли, которая составляла нѣкогда часть территорiй такъ-называемыхъ у Костомарова «сѣверно-русскихъ народоправствъ» или древнихъ русскихъ республикъ Новгорода и Пскова. Страшная бѣдность и какая-то какъ-бы опустошенность поражаютъ васъ при видѣ этихъ жалкихъ, полуразрушенныхъ деревенекъ, съ черными, точно обгорѣлыми избушками и ободранными, искривленными заборчиками, сарайчиками и хлѣвушками. Глухая, лѣсная сторона, обиліе, даже излишекъ лѣса кругомъ, а въ самыхъ деревенькахъ—хоть-бы огородикъ съ зеленью или сачокъ какъ въ Малороссiи, хоть-бы простое деревцо, ветелка, березка, которыя на югѣ такъ украшаютъ и оживляютъ самое бѣдное селенiе, хуторокъ, умѣтъ. Здѣсь—все голо, черно

и ободрано. И особенно кажется ненавистенъ здѣсь лѣсъ: его гонять отъ села какъ заразу, какъ что-то ненавистное, вредное. Да и неудивительно. Населеніе это жило когда-то въ лѣсахъ, какъ звѣрь, и отъ лѣса кормилось, и лѣсомъ дань платило кому подобало: векшу и веверицу на подати, бѣлку, зайца, волка и медвѣдя—на кормъ, мѣха и на свою одежду, лыжи на лапти, лучину для освѣщенія, дрова, лѣсъ для избушекъ, хворостъ и молодую березу для «березовой каши» и для батоговъ, которыми этихъ лѣсовиковъ всегда «били нещадно»—все это давалъ этому лѣсному населенію лѣсъ. Одного онъ не давалъ ему—хлѣба, ибо лѣсъ заглушалъ всякое пахатное поле. И вотъ лѣсовикъ дѣлаетъ первый культурный шагъ, цивилизуется: онъ истребляетъ лѣсъ около своей избушки, около селенія, чтобы на этомъ клочкѣ отвоеванной у лѣса земли посѣять для себя четвертушку ржицы или овсеца... Посѣялъ, уродило самъ-три, а то и самъ-пять. А ненавистный лѣсъ опять лѣзетъ на эту отвоеванную у него землю, пускаетъ лѣторосли на нивѣ, забирается во дворъ, въ сѣни, въ избушку, точно разбойникъ. И вотъ для лѣсовика лѣсъ становится непримиримымъ врагомъ—и онъ его истребляетъ.

Вотъ почему въ сѣверной, лѣсной полосѣ селенія стоятъ голыя, безъ зелени, безъ деревца кругомъ, безъ садика, безъ ветелки и безъ березки.

Глядя на эти черныя, ободранныя селенья бывшихъ «сѣвернорусскихъ народоправствъ», невольно думается, что съ тѣхъ поръ, какъ князь Данило Холмскій разгромилъ рати «господина Великаго Новгорода» въ Шелонской битвѣ, и воины «собирателя русской земли», Ивана Васильевича III-го, дѣда Грознаго, опустошили, пожгли, «испотеряли въ конецъ» и «въ пустѣ положили» новгородскую и псковскую земли, — съ тѣхъ поръ они такъ и стоятъ не оправившись, не отстроившись, точно вчера только была Шелонская битва и вчера лишь увезли отъ нихъ въ Москву ихъ вѣчевые колокола и «вознесоша ихъ на колокольницу съ прочими колоколами звонити»...

Такое именно впечатлѣніе производитъ вся эта земля почти до Динабурга.